

Любил ли поэт муху?

Концерт камерных произведений Леонида Десятникова

Григорий Дурново

«Любовь и жизнь поэта» — цикл для тенора и фортепиано на стихи Олейникова и Хармса, давший название всему фестивалю Десятникова, отсылает к двум вокальным циклам Шумана — «Любовь поэта» и «Любовь и жизнь женщины». Отсылки к так называемой классике можно было отыскать почти во всех камерных произведениях композитора, исполненных на концерте в 5-й студии Дома звукозаписи на Малой Никитской. Сам автор, апеллируя к Стравинскому, сказал, что он анализировал чужие музыкальные сочинения при помощи музыкальных же средств. Впрочем, добавил, что в его произведениях важен не только анализ, но и любовь к композиторам-предшественникам.

В особенности эта любовь проявилась в самом, пожалуй, сильном номере вечера — сочинении «Как старый шарманщик...», исполненном скрипачом Назаром Кожухарем и пианистом Алексеем Гориболом (на прошлой неделе его же в Санкт-Петербурге и Москве играл Гидон Кремер). Песню Шуберта «Шарманщик» Десятников когда-то называл шедевром минимализма. У Шуберта

рояль со зловещей монотонностью с небольшими изменениями повторяет проигрыш, имитирующий игру шарманки, на что певец отвечает, повествуя о мерзнувшем на ветру шарманщике (по одной из версий, это единственный человек, которого в конце своего пути встречает сама Смерть). У Десятникова на ветру мерзнет уже перекликающаяся с роялем скрипка, основной мотив подвергается более значительным изменениям, и в нем становятся видны и любовь, и светлая печаль, и в финале все же умирание. Другие инструментальные сочинения включали менее явные цитаты: «Вариации на обретение жилища» для виолончели и фортепиано — из знаменитой «Прощальной симфонии» Гайдна, во время исполнения которой музыканты уходили, задувая свечи; «В сторону лебедя» — из еще более знаменитого «Лебедя» Сен-Санса.

Второе отделение концерта было посвящено вокальным сочинениям и открылось «Двумя русскими песнями» на стихи Райнера Марии Рильке. Подобно тому, как немецкий поэт, сочиняя на русском языке, вносил в него немыслимые конструкции («Темнеет Бог... / Страдающий народ пришел к нему / И брал его как бра-

та», «Все наше близко. Дали голубые / И никому не нужный грех»), сам Леонид Аркадьевич, по собственным словам, вносит в привычную структуру русской песни («условного Свиридова») необычные гармонии. Что же касается Хармса, также разными способами разрушавшего русскую поэзию, то для него был выбран, похоже, излишне традиционный музыкальный язык. Композитор, увидевший в его стихах «специфический романтизм», взял произведения с наиболее стройными размерами, но отсылающая к песням и романсам XIX века музыка с редкими диссонансами не выявила контраста между текстом и стихотворной формой. Олейников, несмотря на близкую дружбу с обэриутами, — поэт несколько другого свойства, в его стихах, преимущественно лирических, обнаруживается удивительное сочетание смешного и трогательного, издевательского и трагичного. Стихотворение «Муха» при всей видимой комичности романа лирического героя с насекомым — одно из самых пронзительных в русской любовной лирике. Впрочем, в исполнении певца Марата Галияхметова Олейников вышел жеманным и капризным, если не карикатурным.

Фотограф: Петр Касин / Газета

Сочинения на стихи Рильке, Олейникова и Хармса исполнили певец Марат Галияхметов и пианист Алексей Гориболь

Загреб - 2005 - 14-16 окт - с. 29.